6 июня — 196 лет со дня рождения А.С. Пушкина

Привези мне из Торжка
Два сафьянных сапожка.
Тверское присловье

Веч. клуб. — 1995. — 6 июня. — с. 7.

Алмазные искры

"Привет, дорогой Александр Серьгеич, поздравляю вас от всего сердца с рождением нежной маленькой Мари, и, право, я сожалею, что не могу обнять вас так же, как молодую и прекрасную Маму... мне очень была нужна эта добрая весть, чтобы оживить мое угнетенное состояние — легче переносить свои горести, когда знаешь счастливыми тех, кого любишь. Будьте счастливы, дорогой Пушкин, и это меня утешит во многом, что может случиться со мной".

Перечел — в который уже раз — это письмо хозяйки Тригорского П.А. Осиповой, отправленное в Петербург 31 мая 1832 года, и подумал: как же близко от нас пушкинское время! И этим вот совершенно сегодняшним — "Привет...", и чувствами, в ответ на которые родилось столько гениальных строк, и всем, что еще не остыло, а живет, дышит, радует и печалит, озаряя жизнь горним светом. И я снова плачу над письмами Прасковьи Александровны Осиповой к Александру Сергеевичу Пушкину...

"Я писала вам, мой дорогой Александр Серьгеич, в ответ на ваше письмо от 12-го прошлого года, которое я получила в Крещенье. Представилась оказия, и я спешу послать вам банку крыжовника, которая ждала вас всю осень. Если бы достаточно было одних пожеланий, чтобы сделать кого-нибудь счастливым — безусловно вы были бы один из счастливейших смертных на земном шаре..."

Он получил это письмо в январе 1837 года...

И еще я подумал, листая изрядно потрепанные томики: а ведь не стоит удивляться близости к нам пушкинского мира, пушкинского времени. Эпоха Пушкина — в живых, зримых своих чертах и проявлениях — никогда не отдалится от нас настолько, чтобы стать всего лишь историей, ибо человек, давший ей свое звонкое и веселое имя, навсегда останется не только величайшим поэтом России, но будет для каждого нового поколения современников, чье незримое присутствие — в самой жизни, в судьбе людей, в светлых их деяниях и надеждах. И потому с какой-то детской радостью отмечаем мы в самом начале лета, когда "Улыбкой ясною природа сквозь сон встречает утро года", день его рождения. И праздник этот, до сих пор, увы, не помеченный в государственном календаре, особенно явственно, словно огненные письмена на каменной стене, высвечивает слова, сказанные о нем Анатолием Васильевичем Луначарским в самом начале истаявшего столетия:

"Пушкин был русской весной, Пушкин был русским утром, Пушкин был русским Адамом... Он много страдал, потому что его чудесный, пламенный, благоуханный гений расцвел в суровой, почти зимней, почти ночной еще России..."

И, словно перекликаясь с ними, вспоминаются слова Владимира Ивановича Даля:

"У нас все родное теряется...

Много алмазных искр Пушкина рассыпались тут и там в потемках; иные уже угасли, едва ли не навсегда; много подробностей жизни его известно на разных концах России..."

Вспыхнули волшебные эти искры здесь, в Москве, почти два века назад. А потом, подхваченные сумасшедшими ветрами времени, разлетелись по необозримому пространству нашей земли. Долетели они и до древнего городка, что уже несколько столетий смотрится в тихие воды неторопливой Тверцы. Как удивительно, как многоголосо откликнулся Торжок — а я веду речь о нем — в судьбе и творчестве Пушкина. В самом деле не много сыщется в России городов, которые поэт столь часто навещал и столь щедро восславил своей волшебной лирой. Помните:

На досуге отобедай
У Пожарского в Торжке,
Жареных котлет отведай
(именно котлет)
И отправься налегке.

Это — фрагмент знаменитой "Подорожной" из письма к Соболевскому. Теперь гастрономические строки начертаны на мемориальной доске, украшающей бывший трактир, поставленный при государевой дороге предприимчивым ямщиком Евдокимом Дмитриевичем Пожарским и возведенный в славу дочерью его Дарьей. Оборотистая и умелая хозяйка удостоилась высокой чести быть в числе пушкинских знакомых, много раз его принимать, "кормить-поить и спать укладывать". Гостеприимство ее было оценено поэтом по достоинству. Летом 1833 года, погостив в Торжке и добравшись вскоре до Павловского, он писал жене:

"Забыл я сказать тебе, что в Яропольце (виноват: в Торжке) толстая мадмуазель Пожарская, та самая, которая варит славный квас и жарит славные котлеты, провожая меня до ворот своего трактира, отвечала мне на мои нежности: стыдно вам замечать чужие красоты, у вас у самого такая красавица, что я, встретя ее (?), ахнула".

Пушкину отводили всегда одну и ту же комнату — с эркером на втором этаже. Окна ее выходили на шумную и толкучую торговую площадь, кою любил он наблюдать в часы отдохновения. Однажды, как свидетельствует здешнее предание, поэт написал на беленой стене шутливые стихи, посвященные трактиру и его хозяйке. Дарья ценила и берегла эту рекламу своего заведения, но, увы, не смогла сохранить ее: новые хозяева оклеили стены пушкинской комнаты обоями, и стихи исчезли. Мои попытки отыскать какие-нибудь следы их успеха не имели.

Зато сохранилось, дошло до нас в первозданном своем виде древнее золотошвейное искусство торжокских мастериц. В былые времена устраивали у Пожарских выставки изделий, выполненных известным на всю Россию золотым кованым швом, — для путешествующих особ. Не устоял перед рукотворной этой красотой и Александр Сергеевич, купил шитые золотой нитью пояса для жены своего друга Павла Андреевича Вяземского, о чем и известил ее: **"Спешу, княгиня, послать вам пояса. Вы видите, что мне представляется прекрасный случай написать вам мадригал по поводу пояса Венеры и т.п. — но мадригал и чувство сделались одинаково смешны".**

Добравшись до Михайловского, отписал, не ленясь, Павлу Андреевичу и поинтересовался между прочим своей посылкой Вере Федоровне: **"Получила ли княгиня поясы и письмо мое из Торжка?.. Ах! каламбур! скажи княгине, что она всю прелесть московскую за пояс заткнет, как наденет мои поясы".**

И это, разумеется, еще далеко не все, что связано было у Пушкина с тверским городком. Неподалеку от гостиницы стояла тогда лавка, на вывеске которой красовалось — вы просто не поверите, если прежде не слыхали об этом! — "Евгений Онегин — былочных и портновских дел мастер". Да, да! Именно так! А ведь юный Саша Пушкин, направляясь в северную столицу для определения в лицей и сопровождаемый дядей Василием Львовичем, останавливался в Торжке и наверняка видел эту вывеску. Не тогда ли запомнилось ему удивительно благозвучное сочетание имени и фамилии?

На старом Пустынском кладбище в Торжке я еще застал родовое надгробие Онегиных. Стоял, глядел и глазам своим не верил. Может, и впрямь верна давняя догадка местных краеведов, и Евгений Онегин родом из Торжка?

Но продолжим наше путешествие. Пройдя от бывшей гостиницы вверх по бывшей же Ямской, окажемся мы у большого одноэтажного деревянного дома, примостившегося на высоком берегу Тверцы. В пушкинские времена особняк этот принадлежал родственникам президента Российской Академии художеств А.Н. Оленина, отца Анны Олениной. Да, той самой, к которой обращены бессмертные строки, знакомые, пожалуй, каждому: ***"Я вас любил: любовь еще, быть может, в душе моей угасла не совсем..."***

Приезжая в Торжок, Пушкин не мог миновать дом своих друзей. **"Гостеприимные хозяева радушно встречали дорогого гостя, ставили самовар. Самовар был своего рода диковинкой. Яйцевидной формы, темно-коричневого цвета, он напоминал этрусскую вазу. Позолоченный кран самовара был сделан в виде головы орла... Пушкин, усаживаясь за стол, просил у хозяйки разрешения самому наливать в стакан, чтобы повернуть голову орла".**

Теперь в этом доме — музей поэта. Уютный, какой-то по-домашнему теплый, сохранивший в своих стенах незримое присутствие великой тени.

Приезд Пушкина в Торжок. Гравюра Геннадия КЛЮШИНА (г.Тверь).

Но, как любил говаривать Ираклий Андроников, рассказывая о чем-то для него интересном, и это — еще не все! В городе и по соседству с ним — прекрасные творения гениального зодчего Н.А.Львова. Чуть поодаль, у старого "мягкого" Петербургско-Московского тракта, — бывшее имение родственника его Д.И. Львова, которое навещал поэт, путешествуя между двумя столицами. И до сих пор зовется оно Митином. А рядом погост Прутня, где нашла упокоение Анна Петровна Керн. За Тверцой, на том берегу, — Василево с редкостно красивым арочным старым мостом, по которому не раз проезжал Пушкин. А коли поехать в другую сторону, то километров через двадцать окажешься в селе Грузины — единственной, вероятно, сохранившейся в Тверской губернии "потемкинской деревне". В центре ее — замок Полторацких, родовое гнездо многочисленной и славной семьи, из которой вышла и Анна Керн. И тут — сказочный валунный мост через речку Жаленку. И тут рука великого Н.А. Львова видна до сих пор. И тут помнят еще предания о приезде Александра Сергеевича, навестившего своих петербургских знакомых по дороге в старую столицу...

Вот каков он — славный город Торжок и окрестности его. Однако названные мною достопримечательности не исчерпывают всего, что связано здесь с именем Пушкина. А ведь есть еще, должно быть, и что-то, нам пока неизвестное, неразгаданное, нераскрытое. Назову одну лишь загадку.

Ранней весной 1830 года поэт отправился по делам из Петербурга в Москву и по дороге, что называется, потерялся. Тщетно ждали его в старой столице к назначенному сроку. Обеспокоенная отсутствием Пушкина влюбленная в него дочь М.И. Кутузова Елизавета Михайловна Хитрово пишет ему полное тревоги письмо:

"Не успела я успокоиться относительно вашего пребывания в Москве, как мне приходится волноваться по поводу вашего нездоровья — меня уверяют, что вы заболели в Торжке".

Скорее всего Александр Сергеевич в самом деле застрял именно в Торжке. Но вот что было причиной этой непредвиденной задержки? Может быть, он по старой привычке "своротил вправо" и заехал в вульфовские поместья — Берново, Павловское, Малинники, расположенные кучкой, словно опята, для "сбора некоторых недоимок"?

Но что толку гадать: никаких достоверных данных о том, где провел поэт несколько дней той далекой уже весной, нет. Или по крайней мере пока нет. Ираклий Андроников, когда путешествовали мы с ним по заповедным местам Верхневолжья, советовал мне искать следы этой отлучки Пушкина здесь: рядом с Торжком — в Митине, Василеве, Грузинах... Тогда дела помешали мне воспользоваться советом, а теперь едва ли уже пройти по указанному мэтром маршруту, хотя в Торжок при любом удобном случае заезжаю непременно.

В истории этого городка много славных страниц. На одной из них — строки, начертанные пушкинским пером. Мы всегда будем читать их с волнением и радостью.

Алексей ПЬЯНОВ.

"Вечерний клуб" 6.06.95

155